

Перевод реалий, объединённых фреймом «природа», романа «Сто лет одиночества» Маркеса с испанского языка на русский и английский

Научный руководитель – Ключкова Елена Сергеевна

Тарасова Кира Эдуардовна

Студент (магистр)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: tarasova.kira@gmail.com

В процессе перевода часто возникают проблемы, связанные с существованием понятий, которые могут быть неизвестны иноязычному реципиенту в силу различий между лингвокультурами. Переводчику при этом необходимо преодолеть межкультурные несоответствия в тексте перевода, прибегнув к культурно-прагматической адаптации.

Данная работа посвящена анализу приемы прагматической адаптации реалий на примере переводов романа Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества» с испанского языка на русский (перевод Н.Я. Бутыриной и В.С. Столбова и перевод М.И. Былинкиной) и с испанского языка на английский (перевод Г. Рабасса).

Рассматриваемый роман является одним из самых читаемых и переводимых произведений на испанском языке. Реалии, приведенные в романе «Сто лет одиночества», раскрывают самобытность народа Латинской Америки, особенности его культуры и уклада жизни. Однако вопросы перевода реалий этого романа недостаточно исследованы как в отечественной критике, так и в зарубежной, что и обуславливает актуальность данной работы.

Объектом исследования являются реалии в романе Маркеса «Сто лет одиночества», объединенные фреймом «природа». Цель исследования - рассмотреть реалии, относящиеся к фрейму «природа» в тексте-оригинале и текстах перевода; проанализировать способы перевода реалий романа с испанского языка на русский и английский и выявить примеры более и менее удачного применения указанных приёмов.

Вслед за В.С. Виноградовым мы понимаем под реалиями понятия, которые отображают национальный характер конкретного народа и которые не имеют соответствий в языке перевода [Виноградов 2006: 138].

В данном исследовании были выбраны реалии, относящиеся к фрейму «природа». При этом под фреймом мы понимаем единицу, содержащую информацию, которая ассоциируется в тем или иным концептом [Дейк ван 1989: 187], поэтому фреймы определяют и описывают то, что для данной культуры является «типичным и характерным» [Огнева 2013: 69].

Фрейм «природа» в романе включает такие субфреймы как «растительный мир» и «животный мир», которые, в свою очередь, содержат слоты «деревья», «травы» и «цветы» в первом субфрейме и «птицы», «животные», «насекомые» во втором субфрейме. Воспроизведение данных субфреймов в переводе анализируется на примере перевода названия тропического дерева «*ceiba*» и названия птицы «*azulejo*».

При переводе названия тропического дерева «*ceiba*», распространенного в Латинской Америке, переводчики используют транскрипцию. М.И. Былинкина вводит слово «*дерево*», а Г. Рабасса - «*tree*» для пояснения понятия «*сейба*», таким образом делая эту реалию понятной для читателя. Г.Г. Маркес неспроста упоминает в романе сейбу. Древние майя называли ее «Дерево жизни» и считали осью мира. Дисковидные корни олицетворяли

царство мертвых, шипастый ствол - мир людей, ветви - путь, по которому души умерших попадают на небо. На верхушке сейбы восседают боги. В этом примере проявляется магический реализм - возвращение к мифомышлению предков, ведь и в наши дни в небольших поселках Латинской Америки на центральной площади растет священная сейба, а жители приходят к ней, как к храму.

Далее рассмотрим названия некоторых птиц, для перевода которых переводчики преимущественно прибегают к эквивалентам или приближенному переводу. Однако, слово «*azulejo*» Н.Я. Бутырина и В.С. Столбов переводят как «пчелояд», Г. Рабасса - как «*bee eater*», а М.И. Былинкина - «*синица*». Данные переводы этой реалии, на наш взгляд, не являются адекватными. «*Azulejos*» переводятся как «сиалии», или «лазурные птицы»; они обитают только в Северной и Центральной Америке и мало похожи как на пчелоядов, так и на синиц. Образ же сиалии широко распространён и присутствует в фольклоре коренных американцев. Мы считаем, что здесь было бы уместно сохранить название птицы, а не прибегать к поиску аналогов в русском языке. Следует отметить, что Н.Я. Бутыриной и В.С. Столбовым была допущена ошибка и в видовом названии. В русском языке нет птицы «пчелояд». Можно предположить, что переводчики имели в виду «щурку», которую из-за ее любви к поеданию пчел, называют «пчелоедом». Но в Болгарии, например, это слово пишется «пчелояд». Н.Я. Бутырина, болгарка по национальности, при переводе могла использовать болгарское название этой птицы, созвучное с русским. Кроме того, Центральная и Южная Америка не являются ареалом обитания ни синиц, ни щурок. Для перевода «*turpial*» Н.Я. Бутырина, В.С. Столбов и М.И. Былинкиной используют аналог «иволга», а американский переводчик прибегает к эквиваленту «*troupial*». Трупиалы и иволги относятся к одному отряду, но принадлежат к разным семействам, к тому же Южная Америка не является местом обитания иволги. Мы считаем, что лучше прибегнуть к эквивалентному переводу.

В результате сопоставительного анализа текста оригинала романа «Сто лет одиночества» и трех его переводов, мы пришли к следующим выводам:

- основные способы перевода реалий - это транслитерация/транскрипция, приближенный перевод и гипонимический перевод;
- Н.Я. Бутыриной, В.С. Столбову, М.И. Былинкой и Г. Рабассу удалось избежать существенных потерь при переводе национально-окрашенной лексики, отобразив действительность природы Латинской Америки.

Источники и литература

- 1) Виноградов В.С. Перевод: общие и лексические вопросы. М., 2006.
- 2) Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- 3) Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. М., 2013.